
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА И ДИСКУРСА (1)

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье показывается зависимость общения от речемыслительной стратегии того типа дискурса, в рамках которого оно осуществляется. Определяются векторы пересечения взаимодействия речевых жанров, функциональных стилей и дискурса. Различия между самими речевыми жанрами обуславливаются их принадлежностью к инакциональному или интеракциональному типу дискурса.

Ключевые слова: речевой жанр, речевой дискурс, речевая стратегия, культурно-прагматическая парадигма.

Общение не является абсолютно свободным от речемыслительной стратегии того типа дискурса, в рамках которого оно осуществляется [1. С. 400; 15]. Ведь каждая сфера речевого общения, как подметил М.М. Бахтин, характеризуется определенным набором типизированных, стандартизированных и структурированных образцов текстов, которые с его легкой руки теперь все чаще называют речевыми жанрами. Вслед за Л. Витгенштейном и М.М. Бахтиным под речевыми жанрами нами понимаются формы речевой коммуникации, функционирующие в определенной сфере общения и отражающие специфику соответствующего дискурса. На основе имеющегося труднообозримого множества определений дискурса сформулируем то, которое обнаруживает генетическое сходство с природой речевого жанра. Дискурс — семиотически объективированное пространство коммуникативно-когнитивной природы, возникающее в процессе речевого взаимодействия людей как совокупность конституирующих его фасет (2) языкового и внеязыкового характера: речемыслительной, этнокультурной, событийной, композиционно-стилистической (совокупность выразительных средств и приемов построения дискурса), ситуативной, речеповеденческой и ассоциативно-образной. Процессы порождения и восприятия дискурса обслуживаются особым видом вербального мышления, названного дискурсивным [11. С. 9]. В рамках выделенных фасет формируются различные смысловые пласты дискурса событийного и не-событийного характера, на что обращал внимание еще В. фон Гумбольдт, назвав данный феномен термином *energeia*. Изучение дискурсивного мышления (автора и читателя, говорящих или говорящего и слушающего), как нам представляется, позволяет не только воспринимать информативные потоки изнутри текста, но и сканировать его невидимый внешний когнитивно-прагматический ореол. Каждая из фасет имеет свой «участок ответственности» за порождение и восприятие дискурса [2]:

— речемыслительная фасета отвечает за порождение текста, основного продукта дискурсии;

— этнокультурная — за протекание общения в рамках традиционного интерактивного ритуала;

— когнитивно-событийная — за адекватное представление предмета общения (коммуникативного события на фоне знания данного фрагмента мира, мнений, ценностных установок);

— композиционно-стилистическая контролирует жанровую архитектуру;

— ситуативная репрезентирует участников дискурсии и обстоятельства, которые сопровождают общение;

— речеповеденческая отвечает не только за жестово-мимическое сопровождение, паритетность, корректность, фатичность речевого общения, но и служит индикатором общей эрудиции коммуникантов, особенностей интеллекта, мотивации их поведения, эмоционального состояния и интенционального воздействия на поведение собеседника (слушателя или читателя);

— ассоциативно-образная мысленно объединяет лингвокреативные и экстралингвистические энергопоток общего смысла, из которых, собственно, и формируется синергетика дискурса, его открытая, нелинейная и саморазвивающаяся система.

Элементами дискурса, как видим, выступают коммуникативные события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события» — обстоятельства, сопровождающие события; социокультурный фон, оценочное отношение к участникам коммуникативного события и т.п. Особая роль в порождении дискурса принадлежит, конечно, перформативной информации. А. Лидов понятие перформативности называет одним из главных вызовов для всех современных гуманитарных наук. По мнению ученого, до последнего времени даже самые рафинированные исследовательские методологии исходили из основополагающего принципа «культура как текст», т.е. нечто принципиально законсервированное, неподвижное, зафиксированное в форме визуального или литературного текста. Сейчас происходит осознание того, что есть огромный пласт культуры — культуры перформативного существования, т.е. находящегося в постоянном движении и изменении как принцип *modus vivendi* (образ жизни, способ существования). К сожалению, этот пласт культуры оказывается вне поля зрения современных исследователей, тем более что перформативность в ее деятельностном проявлении реализуется по *жанровым сценариям* интеракций. Может быть, поэтому важнейшей составляющей дискурса является композиционно-стилистическая фасета, поскольку она оформляет общую картину коммуникативно-когнитивной деятельности в соответствии с типом дискурса и разновидностью речевого жанра.

Различия между речевыми жанрами обуславливаются их принадлежностью к инакциональному или интеракциональному типу дискурса. Первые не предполагают реального общения коммуникантов (художественный, международно-правовой, рекламный, научный, религиозный и пр.). Для вторых реальное общение является конструктивным фактором: педагогический (учебный диалог учителя и учеников), судебный (дискурс судебного заседания с выступлениями судьи, адвоката, прокурора, обвиняемого и пр.), медицинский (разговор врача с пациентом) и т.д. Жанровое пространство виртуального дискурса образуется такими

свободными речевыми жанрами, как флейм, виртуальный роман, флирт, флуд, послание и креатифф.

В осмыслении проблемы сопряжения речевого жанра и дискурса основополагающим является учение М.М. Бахтина, определявшего речевой жанр как относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний, обусловливаемых «спецификой данной сферы общения» [3. С. 237]. Специфика же той или иной сферы общения во многом детерминирована функционально-стилистическими особенностями речемышления, представляющими когнитивный блок дискурсивного сознания [2. С. 14]. Поэтому соположение понятий «речевой жанр», «функциональный стиль» и «дискурс» предопределено их онтологией. На тесную связь этих понятий указывал и М.М. Бахтин: «Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Исторические изменения языковых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров» [3. С. 242—243]. Под функциональными стилями ученый понимал жанровые стили определенных сфер общения. Если согласиться с тем, что в основании дискурсивного сознания лежит функциональный стиль, то дискурс можно интерпретировать как жанровый стиль, служащий камертоном для определенной сферы речемыслительной деятельности человека.

Современные исследователи взаимосвязь речевых жанров и дискурса рассматривают сквозь призму культурно-прагматической парадигмы языка. Ее культурная составляющая исследуется, в частности, В.А. Салимовским, который, развивая идеи М.М. Бахтина, жанры речи толкует как «относительно устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах)» [10. С. 31]. При этом в структуру жанровой модели включаются свойства субъектов дискурсии и их эвристический потенциал, направленный на творческое использования этих моделей. Жанровые стили, в свою очередь, интерпретируются как совокупность типовых речевых актов, сфокусированных единой точкой дискурсивного сознания и поэтому содержащих категориальные признаки соответствующего дискурса.

Коммуникативно-прагматическая сущность речевого жанра раскрывается в исследованиях К.А. Долинина. В его понимании речевой жанр следует толковать как «функцию некоторой стандартной ситуации общения, характеризующейся постоянно повторяющимся набором определенных значений ее параметров» [7. С. 23]. Важнейшими среди них являются [7. С. 43]:

— адресант, рассматриваемый как носитель некоего статуса (социального, возрастного, полового и т.п.), определенной картины мира, постоянных личностных свойств и сиюминутного психического состояния;

— адресат, характеризуемый в первую очередь количественно (личность/ группа/неопределенное множество людей) и выступающий в тех же ипостасях, что и адресант;

— референтная ситуация или тема сообщения;

— деятельностьная ситуация, т.е. общий контекст деятельности, вербальной и невербальной, в которой включено сообщение;

— канал связи (устный/письменный, наличие/отсутствие визуального контакта между адресатом и адресантом, одновременность/разновременность порождения и восприятия и т.п.);

— хронотоп (время и место) и окружающая обстановка, непосредственно не связанная с деятельностной ситуацией.

Таким образом, функциональные стили представляют собой «обобщенные речевые жанры», складывающиеся под воздействием коммуникативно-прагматических факторов соответствующего дискурса.

Сам же речевой жанр предстает как на некая устойчивая модель речевой деятельности, складывающаяся в определенной сфере общения под воздействием самых разных факторов коммуникативной ситуации. Данное суждение может стать базовым для выделения речевых жанров, характерных для того или иного дискурса. Так, типичными речевыми жанрами педагогического дискурса являются урок-лекция, урок-дискуссия, экзамен и др., а основными речевыми жанрами газетного дискурса — заметка, статья, публикация, интервью и др. Давая стилевую характеристику того или иного дискурса, обычно исходят из обобщенной стилевой маркированности, присущей всей совокупности его речевых жанров. Так, речевым жанрам научного дискурса — научной статье, монографии, диссертации, научному докладу, выступлению на конференции, стендовому докладу, научно-техническому отчету, рецензии, реферату, аннотации, тезисам — присущи четкость, логичность и понятность изложения, а также использование соответствующей терминологии.

Итак, речевые жанры понимаются как составляющие дискурса. В некотором роде речевой жанр являются прагматическими категориями дискурса (О.В. Абраменко).

Коммуникативно-прагматическое соотношение речевого жанра и дискурса определяется еще и тем, что дискурс, по одному из толкований, — это в основе своей *речевой акт*, который сопровождается мимикой, жестами, пространственным поведением собеседников и другими экстралингвистическими факторами, обуславливающими сущность речевого жанра. Т. ван Дейк выявляет три типа внутренних систем осуществления коммуникативного акта [6. С. 20]: систему знаний и убеждений; систему желаний и потребностей; систему оценки и предоставления преимуществ. Отсюда напрашивается вывод: речевой жанр, как и текст, является продуктом дискурсивной деятельности человека. Такая производность детерминируется тем, что дискурс включает в себя не только речевой акт, но и такие важные для речевого жанра экстралингвистические факторы, как мимика, жесты и пространственное поведение. Подобная логика рассуждения применима, разумеется, в том случае, если сам речевой акт рассматривать расширительно, с точки зрения прагматики речевого общения. Кстати, сама лингвопрагматика возникла именно под влиянием теории речевых актов (Дж.Л. Остин, Дж.-Р. Серль, З. Вендлер). В центре ее внимания находится влияние инициатора речевого общения на собеседника или того, на кого направлено сообщение. Различают дальнюю и ближнюю прагматику. Категория *дальней прагматики*, по мнению Г.Г. Ха-

загерова, позволяет «перебросить мост от речевого акта к дискурсу, понимаемому как система. Выражаясь фольклоризированным языком Солженицына, можно сказать, что говорящие так или иначе „обустраивают“ свой дискурс» [14. С. 40—62]. Следует согласиться, что «без элементов саморепрезентации речи, без проявлений минирефлексии по поводу словоупотребления, разбросанных в отдельных речевых актах, без «рассеянной санкции» коммуникантов в отношении своего дискурса это было бы невозможно» [14. С. 40—62]. С другой стороны, помня о том, что теория речевых актов ориентирована на *ближнюю прагматику*, можно и усомниться в справедливости такого подхода. Ведь саморепрезентация речи, проявления минирефлексии, «рассеянные санкции» коммуникантов в отношении своего дискурса — это составляющие дальней прагматики. Сомнения развеивает разве только убеждение в том, что дальняя прагматика в речевых актах, как правило, сопряжена с ближней. Особенно рельефно такое сопряжение проявляется в косвенных речевых жанрах, плодотворно исследуемых В.В. Дементьевым. При попытке провести параллель между косвенными речевыми актами и косвенными речевыми жанрами сразу же обнаруживается некий «зазор» между прагматикой и языковой формой. Образуется он, как правило, переносными употреблениями языковой формы. При таком подходе с точки зрения дальней прагматики речевой акт предстает как некое двойственное явление, в котором форма выражения, помимо передачи обычного содержания, репрезентирует самое себя. В таком разрезе можно говорить о возможности оформления дискурса в разных формах речевых жанров. Можно говорить, например, о четырех жанрах религиозного дискурса: молитве, проповеди, исповеди и обрядовом действии, о нескольких речевых жанрах рекламного дискурса, например жанре брачного объявления и т.д. Особенно выразительно саморепрезентация речи, минирефлексия и «рассеянные санкции» коммуникантов проявляются в таком новом речевом жанре как SMS.

Конечно же, чтобы речевой жанр можно было рассматривать в качестве продукта дискурсивной деятельности, необходимо еще раз обратиться к эгоцентрической сущности самого дискурса, лежащей в основе коммуникативно-прагматической доктрины дискурса, разрабатываемой Э. Бенвенистом и М. Фуко. Эгоцентрический подход к дискурсу ориентирует нас на рассмотрение проблемы его взаимоотношения с речевыми жанрами в нерасторжимом единстве с языковой личностью, которая по сути своей является личностью дискурсивной. В качестве таковой она представляет собой совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им текстов как продуктов дискурсии. В качестве одной из составляющих дискурсивной личности является ее речевая компетенция (ощущение стиля, ориентировка на среднего адресата при порождении жанрово маркированных сообщений, понимание смыслов, владение соответствующей коммуникативно-прагматической тональностью, различение смысла и лжесмысла, понимание субъективизма в оценках дискурсивного содержания и т.п.).

При всем том что любой речевой акт индивидуален, а высказывание, текст обладают индивидуальным стилем, конечно, не все речевые жанры в одинаковой

мере отражают стилевую индивидуальность коммуникантов. На выражение стилистической индивидуальности прежде всего ориентированы жанры художественной литературы, где индивидуальный стиль — конструктивный фактор жанра. В тех же речевых жанрах, которые требуют стандартной формы, стилистическая индивидуальность стерилизуется. Это речевые жанры деловых документов, военных команд и др. В такого рода речевых жанрах индивидуальный стиль является, так сказать, эпифеноменом высказывания его дополнительным надтекстовым продуктом, в осмыслении которого могут помочь исследования Э. Бенвениста и М. Фуко.

Будучи последователем Ф. де Соссюра в вопросах дихотомии язык и речи, Э. Бенвенист понимал под дискурсом *речь, присваиваемую говорящим*, противопоставляя ее объективному нарративу. Выделяя в высказывании «самый акт, ситуации, в которых он реализуется, средства его осуществления» [4. С. 313], он подчеркивал, что «говорящий присваивает формальный аппарат языка и выражает свой статус говорящего посредством специальных показателей, с одной стороны, и с помощью различных вспомогательных приемов, с другой. В целом же акт высказывания характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным» [4. С. 313, 316].

В трактовке М. Фуко дискурс представляет собой *множество высказываний*, принадлежащих одной формации. При этом под высказыванием понималось не собственно вербальное высказывание, а некий сегмент человеческого знания. Такие высказывания отражают специфические условия и цели каждой возможной сферы общения «не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, т.е. отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента — тематическое содержание, стиль и композиционное построение — неразрывно связаны с целью высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [3. С. 241]. Ученый соглашался, что каждое отдельно взятое высказывание индивидуально, но вместе с тем утверждал: каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые по тематике, композиции и стилю типы высказываний, которые и были им названы речевыми жанрами.

Интерес и цель дискурсивного анализа, по М. Фуко, заключались в том, чтобы определить историческое место каждого дискурсивного события. Экстралингвистические условия общения, таким образом, выдвигались на первый план и являлись определяющими по отношению к речевым факторам. Однако современное понимание соотношения речевого жанра и дискурса определяется еще в большей степени немецкой школой дискурсивного анализа (У. Маас, З. Егер, Ю. Линк, Р. Водак), теоретическая платформа которой создавалась на основе концепции того же М. Фуко. Ученые этой школы рассматривают дискурс как языковое выражение общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность.

С этой позиции У. Маас, например, определяет дискурс как соответствующую языковую формацию по отношению к общественной практике, социально и исторически определенной для соответствующей дискурсивной личности. При этом границы дискурса устанавливаются относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и некоторых других параметров, соответствующих природе речевого жанра. Сам дискурс при таком подходе характеризуется не количественным, а качественным составом тематически общих текстов, поскольку является языковым отражением определенной социокультурной, политической и идеологической практики, осуществляемой в рамках не только прямых, но и вторичных (косвенных) речевых жанров. Дело в том, что косвенные формы общекультурных значений и смыслов, закодированные в средствах, составляющих содержание текстов косвенного речевого жанра, довольно часто играют более важную роль, чем первичные. В самом деле, если человек незнаком хотя бы с какими-то внешними проявлениями чужой культуры, то она для него просто не существует. Так, осваивая формы поверхностного слоя текста молитвы на чужом языке, человек приобретает знание о ней, но может и не подозревать о существовании глубинных форм, скрытых за представленными прямо и непосредственно. Вторичные значения и смыслы социальной жизни открываются людям через первичные, но не наоборот. В таком случае можно рассматривать первичные значения некоторых знаков, состоящих из них выражений, форм культурного поведения и т.д., как, в свою очередь, знаки, указывающие на их вторичные значения. Сложнее ответить на вопрос о соотношении первичных и вторичных смыслов. А без этого вряд ли можно понять, как различные знаковые средства, выстроенные в определенной конфигурации, порождают тончайшие стилистические нюансы, создающие столь разнородную многоликость речевых жанров: от первичных (простых) — до вторичных (сложных). При этом будем помнить, что различия между ними не только функционально-стилистические. Они определяют жанровую палитру того или иного дискурса. С одной стороны, это короткие реплики бытового диалога (довольно сложно назвать все речевые жанры бытового диалога, определяемое его темой, ситуацией, составом участников и т.п.); бытовые рассказы (разговорный дискурс); письма во всех их разнообразных речевых жанрах (эпистолярный дискурс); короткие стандартные военные команды. С другой стороны, это развернутые и детализованные приказы, довольно пестрый репертуар деловых документов (официально-деловой дискурс), разнообразный мир публицистических выступлений (общественно-политический дискурс); многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорок до многотомных романов).

В заключение назовем узловые моменты исследуемой проблемы.

1. Стиль входит как элемент в жанровую архитектуру дискурса, а сам речевой жанр является единицей дискурса, что закладывает фундамент в теорию жанрового мышления (термин Т.В. Шмелёвой).

2. Исследование дискурса будет продуктивным лишь при условии постоянного учета речевых жанров природы стилей, выявляемой путем предварительного изучения разновидностей речевых жанров.

3. Исторические изменения речевых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров.

4. Речевые жанры — пролегомены к истории языка. Все новые явления — фонетическое, лексическое, грамматическое — не могут войти в систему языка, не побывав в жерновах долгих и сложных речежанровых испытаний, не подвергнувшись тематической, композиционной и стилистической обработке.

5. В предыдущих исследованиях [1] мы пытались показать смыслопорождающий потенциал дискурса. В русле идей данного исследования можно утверждать, что специфика дискурсивного смыслообразования обуславливается коммуникативно-прагматическими параметрами соответствующего речевого жанра.

6. Наконец, исследование высказывания как реальной единицы речежанрового общения позволит правильнее понять и природу единиц языковой системы.

Даже только перечисленные здесь линии пересечения взаимодействия речевых жанров, функциональных стилей и дискурса дают представление о неисчерпаемости этой проблемы, о перспективах и актуальности ее исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Работа выполнена в рамках исследовательского проекта № 2460, поддержанного ведомственной целевой программой «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 гг.).
- (2) Фасетное моделирование дискурса в отличие от иерархического позволяет анализировать смысловые признаки дискурса независимо как друг от друга, так и от смыслового содержания коммуникативного события. Признаки дискурса мы называем *фасетами* (фр. *facette* рамка, грань). Каждая фасета содержит совокупность однородных значений данного классификационного признака. Фасетное моделирование дискурса позволяет создавать разные его смысловые емкости и модифицировать всю архитектуру дискурса без изменения его жанрового статуса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-дискурсивная синергетика языка // AUSPICIA. Ceske Budejovice. — 2007. — № 1. — С. 14—20.
- [2] *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах. — Ставрополь, 2008. — С. 9—31.
- [3] *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. — М.: Художественная литература, 1979.
- [4] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
- [5] *Габидуллина А.Р.* Жанры речи и жанры дискурса: к проблеме терминологии // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 765. Серія філологія. Вип. 50. — С. 49—54.
- [6] *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- [7] *Долинин К.А.* Интерпретация текста: французский язык. — М.: КомКнига; 2005.
- [8] *Лидов А.* Культура и искусство // Электр. ресурс: <http://www.polit.ru/lectures/2007/06/14/ierotor.html>
- [9] *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. Вып. XVII. — С. 22—130.
- [10] *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2002.

- [11] *Седов К.Ф.* Дискурс и личность. — М.: Лабиринт, 2004.
- [12] *Сёрль Дж.* Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. — М., 1986. — С. 151—169.
- [13] *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. — Киев: Ника-Центр, 1996.
- [14] *Хазагеров Г.Г.* Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. — 2006. — № 1—2. — С. 40—62.
- [15] *Discourse studies in cognitive linguistics / Ed. by Hoek K. van. E.A.* — Amsterdam, 1997.

THE PROBLEM OF CORRELATION OF SPEECH GENRE AND DISCOURSE

N.F. Alefirenko

Belgorod State University
Victory str., 85, Belgorod, Russia, 308015

The article deals with the dependence of communication on the speech-cogitative strategy such type of discourse in which it is realizing. It is described vectors of intersection of interaction as speech genres, functional styles as discourse. The differences between speech genres are depended on their belonging to inactional or interactional type of discourse.

Key words: the vocal genre, vocal of diskurs, vocal strategy, in a cultured way-pragmatic paradigm.